

PLYAIS Yakov Andreevich, Dr.Sci. (Hist.), Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; spn2004@rambler.ru)

THE IMPACT OF THE THEORY AND PRACTICE OF SOCIALISM ON THE WORLD

Abstract. According to the author, the impact of the theory and practice of socialism on the world was not only positive, but also negative one. The ideological basis of foreign policy was of special significance. The positive influence was in Soviet Russia's appeal for social justice, as well as in all round support of the third world countries, China and the Central Asian republics.

The negative influence was in ideological interference in other countries' affairs, in eagerness to spread its socio-political pattern all over the world. The same aspiration is distinguished also by other superpowers, including rising China.

Keywords: socialist theory and practice, ideological basis of foreign policy, USSR, USA, China

ДЕГТЯРЕВ Александр Якимович – доктор исторических наук, советник Председателя Совета Федерации ФС РФ (103426, Россия, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, 26; bronk@mail.ru)

ГЕНЕРАЛ М.В. АЛЕКСЕЕВ И ОТРЕЧЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основания и мотивы поведения ряда исторических лиц России в феврале–марте 1917 г. Автор оспаривает распространенные в среде русской эмиграции, а затем и в отечественной историографии версии о «предательстве» высшего военного руководства по отношению к императору Николаю II.

Ключевые слова: генерал М.В. Алексеев, Николай II, февральские события, отречение императора

Столетие Февраля, да и всей Великой революции 1917 г., отмечено невиданной пургой в российских СМИ. В эфире, на страницах и в сетях, научной и околонучной литературе возродились все когда-либо существовавшие точки зрения. Вновь перемыты белые кости всех участников трагической русской драмы. Призыв президента, высказанный в декабрьском 2016 г. Послании Федеральному Собранию: «Давайте будем помнить, мы – единый народ», по-моему, не нашел должного отклика в умах современников. Политических «народов» по-прежнему в России несколько. Плохо это или хорошо, судить не будем. Согласия в оценках растянувшейся почти на год революции 1917 г. нет и пока не предвидится. Видимо, великий китаец Чжоу Эньлай был прав, когда в ответ на вопрос французского посла о всемирном значении Великой французской революции флегматично и вежливо ответил, что полтора века – недостаточный срок, чтобы судить о значении этого события.

Многое, впрочем, прояснилось. Яснее стало понимание роли императора Николая II, адекватную оценку у большого круга авторов получило его поведение и роль во время февральских событий. Конечно, ничего подобного поступку Сталина, сделанному в соответствии с приписываемым ему жестоким афоризмом: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю», в поведении последнего императора не было.

Николай II и Основные законы

«Нет такой жертвы, которую бы я не принес во имя действительного блага и спасения России», — сообщал император 2 марта 1917 г. амбициозному политическому деятелю по фамилии Родзянко. Однако такая непосильная жертва тут же обнаружилась: он не позволил больному царевичу Алексею вступить на престол, грубо нарушив, а точнее, попросту поправ существовавший закон о престолонаследии, и этим опрокинул надежды миллионов преданных монархии и Отечеству людей. Массовые самоубийства в офицерском корпусе остались в нашей истории свидетельством трагического посмертного «голосования» против решения царствующего монарха [Никонов 2017: 544].

Главный системообразующий закон Российской империи был отброшен, о нем забыли в эти дни. Не вспомнил о них и император. «Он даже не вспомнил в эти сутки, что в его Империи существуют свои основные законы, — писал А.И. Солженицын, — которые вовсе не допускали никакого отречения царствующего Государя (по павловскому закону, лишь престолонаследник мог отречься заранее, что и случилось в 1825 г. с Константином. — *А.Д.*), если за сим не предстоит затруднения в наследовании» [Солженицын 2017: 11]. Нарушив эту вполне сознательно не предлагавшуюся законодателем (в силу всеми признаваемого божественного происхождения царской власти) норму, своим актом отречения Николай грубо нарушил и лично его касающуюся ст. 39 Основных законов: «...Престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято соблюдать вышепостановленные законы о наследии Престола».

Этот закон, установленный Павлом I, появился как реакция на предшествовавшую ему и объявляющую весь предыдущий век неразбериху в делах наследования высшей власти (вспомним незаконченную предсмертную запись Петра I: «Отдайте все...») и горький опыт дворцовых переворотов XVIII в. Он обеспечил безболезненное наследование высшей власти России на протяжении всего XIX в. Даже декабрьское (1825 г.) потрясение ее основ было с его помощью быстро преодолено. Последняя уточняющая редакция закона состоялась в 1906 г. и была хорошо известна Николаю II. 23 апреля 1906 г. он лично начертил на подлиннике Свода основных законов: «Быть по сему».

Но в итоге он поступил совсем иначе. Отречение царствующего императора как помазанника Божия в принципе не предусматривалось законом. Николай, преступив такое всеобщее понимание и восприятие царской власти, действовал в духе кооператоров горбачевской поры: разрешено все, что не запрещено законом.

Но дальше — больше. Своим решением о передаче трона Михаилу он поправ ст. 28 Основных законов, гласившую: «наследие Престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего императора, а по нем всему его мужескому поколению». Попутно была нарушена и ст. 30: «Когда пресечется последнее мужеское поколение сыновей Императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем к престолу...». То есть, при каких-либо трагических несчастьях, связанных в данном случае с царевичем Алексеем, на престол могла вступить старшая дочь императора великая княгиня Ольга, отличавшаяся, по свидетельствам современников, умом, твердостью характера и силой воли.

После решения передать трон Михаилу рухнула и предусмотрительно мудрая ст. 41: «при вступлении на престол Императора прежде сего возраста (16 лет. — *А.Д.*) до совершеннолетия Его, учреждается правительство и опека». В первом варианте своего решения он, еще следуя закону, склонялся к назначению Михаила опекуном, но затем, решив за Алексея его судьбу (а также судьбу семьи, России и свою собственную), все это перечеркнул.

Решение об отречении в пользу Михаила окончательно превратило главный закон империи в руины. А последующие действия Михаила вообще увели правовую ситуацию в некий правовой астрал, не просто лишенный логики и здравого смысла, но даже уникально неповторимый. Блестящий анализ этого «акта безумия и предательства» (по характеристике выдающегося русского юриста В. Маклакова) был дан А.И. Солженицыным. «Ведомый своими думскими советчиками, Михаил не проявил понимания: где же граница личного отречения? Оно не может отменять форму правления в государстве. Отречение же Михаила оказалось: и за себя лично, и за всю династию, и за самый принцип монархии в России, за государственный строй ее... Он хуже чем отрекся: он загородил и всем другим престолонаследникам, он передал власть аморфной олигархии. Его отречение и превратило смену монарха в революцию» [Солженицын 2017: 17].

В этот момент прозрел даже Николай, отметивший в дневнике: «Мишин манифест кончается четыреххвосткой для выборов Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость». Своей вины в этом отрехшийся в пользу состоявшего, помимо всего прочего, в неприемлемом для занятия престола морганатическом браке брата император не чувствовал.

А ведь в этой драматической для судьбы России точке исторической бифуркации все могло сложиться по-иному. Если бы закон в части соблюдения порядка наследования был реализован (на передачу власти Алексею были согласны в начале революционной драмы все — от простонародья, искренне радевшего за больного царевича, до высшего генералитета и одурманенных миражами всевластия думских деятелей), ситуация могла поменяться головокружительно. Хорошо готовая к весеннему наступлению армия, преодолевшая недостаток вооружения и губивший ее в предыдущие годы снарядный голод, порвала бы за царя-отрока любого врага. Даже заплевавшие столицу шелухой семечек необученные запасные батальоны, размещение которых в столице было одной из роковых ошибок власти, кинулись бы на фронт.

Алексеевские дни

Можно с полным основанием предполагать, что мысли о подобном развитии ситуации присутствовали и в непростых размышлениях тяжело больного, работавшего в эти дни с 40-градусной температурой главного стратега и руководителя русской армии, начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Михаила Алексева. Ни он, ни подавляющее большинство высшего генералитета (за исключением, пожалуй, генерала Рузского) ни на йоту не отступили в это время от своей присяги на верность. Стандарт ее, рожденный еще при Павле: «надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу», исполнялся ими неукоснительно.

Имя генерала Алексева, являвшегося фактическим главнокомандующим едва ли не большую часть великой войны, много десятилетий пребывает в глубокой тени. В советское время его фигура замалчивалась, поскольку он был основателем Белого движения и создателем Добровольческой армии. А в эмигрантской среде сформировалось устойчивое, отраженное во многих книгах, статьях и мемуарах мнение, что Алексеев и «кучка генералов» составили заговор и заставили императора отречься, с чего и начались все беды. Эта ситуация

замалчивания, с одной стороны, и искажения — с другой, во многом сохраняется и сегодня.

20 лет назад по инициативе журнала «Наше наследие» был возвращен на родину огромный архив генерала Алексеева, хранившийся у родственников в далекой Аргентине. Все еще надеюсь, что документы архива, а их великое множество, помогут историкам поставить эту фигуру русской истории на должное место. Правда, за 20 лет к материалам этого архива РГБ обращений не наблюдалось¹. А вот распространяющаяся в эмигрантских монархических кругах версия о том, что Алексей был противником монархического строя, возглавил «заговор генералов», ожила и пошла в ход, хотя при внимательном рассмотрении не имеет под собой реальных оснований. Это версия идет от людей, ослепленных неожиданной и фатальной для них революционной вспышкой, крушением многих личных судеб и карьер.

Из мемуаров она переключалась даже в работы достойных авторов. Ее разделяет, например, один из лучших представителей современной исторической школы Московского университета В. Никонов. В фундаментальной монографии последнего времени, посвященной краху империи, он, ссылаясь на мнение штатного «историографа» при императоре генерала Дубенского, безоговорочно, подчеркнуто выделяя сказанное курсивом, утверждает: «Факт остается фактом: высший армейский чин империи ничего не сделал, не отдал ни одного приказа, чтобы спасти императора и государственный строй, которым присягал» [Никонов 2017: 480]. И далее, развивая мысль о тяжелой вине генерала, утверждает: «Решение о судьбе императора России принял Алексей» [Никонов 2017: 605], «Алексей сменил (на посту Главковерха. — *А.Д.*) преданного им императора» [Никонов 2017: 691].

Здесь исследователь целиком следует за мнением А.И. Солженицына, для которого исследование и понимание Февраля, как и всей переломной революционной эпохи, не было приурочено к круглым датам, а было одним из главных дел жизни. В небольшом, но капитальном по характеру труде 1983 г. он еще более резко, нежели В. Никонов, осуждает генерала Алексеева. «Побегом (? — *А.Д.*) Верховного Главнокомандующего Ставки генерал Алексей был возвышен как бы (!? — *А.Д.*) в верховные судьи тому. ...все военные силы России на главные дни петроградской революции — а значит и вся историческая судьба российского государства были покинуты на него одного бесконтрольно, безответно, безусловно» [Солженицын 2017: 12]. Далее А.И. Солженицын — уже в сослагательном наклонении — говорит о том, что надлежало сделать Алексею: «вызвать Родзянку к себе, а то и по телеграфу продиктовать Петрограду ультиматум — и даже не возникло бы малой междоусобицы, цензовые круги присмирели бы тотчас, разве похорохорился бы недолго Совет депутатов перед тем, как разбежаться» [Солженицын 2017: 12].

Как можно квалифицировать оценки и предложения уважаемых авторов? Подобное поведение Алексеева при здравствующем и постоянно реализующем свою верховную власть через высочайшие указы и распоряжения императоре явилось бы актом узурпации государственной власти, а по фактической своей сути — военным переворотом.

Это стало бы преступным, подлежащим немедленному военному суду нарушением ст. 14 Основных законов: «Государь Император есть Державный вождь Российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствова-

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 855. 590 ед. хр. 8135 л.

ние над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства».

Для Алексеева, убежденного сторонника монархии и преданного императору воина, подобное поведение было абсолютно невозможным. Для Ставки «как установления чисто военного и ведающего при этом, только управлением Действующей (против внешнего врага) Армией, — резонно отмечал в своих мемуарах полковник Генштаба Б.Н. Сергеевский, — юридически никакого дела до гражданского управления страной не было. Но ведь Ставка знала, что управление вообще исчезло... следовательно, надо было что-то делать. Но как? Ни полномочий, даже временных, ни какого-либо аппарата для такого управления никто не имел»¹.

Большинство исследователей фокусируют свое внимание на моменте крушения императорской власти (отречения), другими словами, рассуждают о ситуации уже разбушевавшегося пожара. Но этому предшествовали дни, события которых неопровержимо доказывают, что поведение Алексеева было совершенно другим, т.е. направленным на разрешение критической ситуации и сохранение существующего порядка.

26 февраля в Ставку, которая была до предела загружена работой по подготовке весеннего наступления (только для перемещения войск требовалось за 5–6 недель обеспечить согласованное движение 500 эшелонов с войсками и вооружением), поступили первые сведения о начавшемся мятеже. Оценить серьезность положения на их основании было пока невозможно, тем более что в середине следующего дня военный министр Беляев сообщил, что уверен в «скором наступлении спокойствия». Однако уже вечером его «спокойствие» стало принимать панический характер: «Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж... подавить не удастся... Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве для одновременных действий в различных частях города» [Алексеева-Борель 2000: 470].

Правильно оценив серьезность положения, император и Ставка начали действовать немедленно. Настроение Николая в эти часы было весьма решительным, и в этом нельзя не видеть влияния генералитета. Уже вечером 27 февраля из Могилева были отправлены Георгиевский батальон, часть собственного его величества полка, часть собственного его величества конвоя и вспомогательные технические подразделения. Императором были даны диктаторские полномочия генерал-адъютанту Иванову. Правда, этот выбор был, как показали уже ближайшие дни, был крайне неудачен. «Генерал Алексеев, — вспоминает Б.Н. Сергеевский, — был очень огорчен словами Государя относительно назначения лица с неограниченными полномочиями... Из разговоров, тогда слышанных, я вывел заключение, что идея посланки полномочного лица была предложена ген. Алексеевым и, очевидно, Государю был известен и кандидат ген. Алексева... Ген. Алексеев мог быть огорчен выбором именно ген. Иванова: он отлично знал этого генерала и знал, что для данного поручения он совершенно непригоден»².

Государь лично определил и части, которые должны выступить на Петроград. Алексеев, конечно, участвовал в этом выборе, но последнее слово оставалось за императором. Возможно, выбор частей был не всегда рациональным, но в этот момент, по свидетельству полковника Б.Н. Сергеевского, «поскольку предстояла борьба за Государя и престол, и раз его Величество взял на себя лично выбор

¹ НИОР РГБ. Ф. 855. Оп. 10. Д. 17. Л. 7.

² Там же. Л. 4.

начальников и частей для этой борьбы, было совершенно неудобно возражать Ему и предлагать для перевозки и борьбы другие части»¹.

Выбор императора нельзя назвать удачным. «Часть выбранных полков стояла в линии фронта, — свидетельствует Б.Н. Сергеевский. — Пришлось подводить для их смены полки из резерва, производить эту смену и затем вести сменяемые полки к станциям посадки. На это ушло около 2-х суток драгоценного в таких обстоятельствах времени. Между тем целые дивизии стояли на каждом фронте, в районах больших узловых станций. Погрузка их могла быть выполнена немедленно»². Поэтому упреки некоторых авторов в нарочитой медлительности командующих фронтами при отправке войск [Никонов 2017: 533, 534] следует признать несостоятельными.

Действия Алексеева в деле исполнения монаршей воли были по тем временам молниеносными. Паническая телеграмма военного министра поступила в Ставку в 19-25. И уже между 21 и 22 часами на имя главнокомандующих фронтами, в составе которых действовали определенные императором для посылки в Петроград части, была направлена телеграмма Алексеева с требованием поставить во главе их «энергичных, прочных генералов» и ускорить подвоз частей к станциям погрузки. Алексеев в эти часы ведет непрерывные переговоры со штабами фронтов. В разговоре по аппарату Юза требует «возможно скорее отправить... два кавалерийских полка... два пехотных полка из самых прочных, надежных. Одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона. Нужно назначить генералов прочных... Обстоятельства требуют скорого прибытия войск, потому очень прошу соответствующих распоряжений... Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего».

Приказом генерала Алексеева были в итоге назначены к отправке в Петроград следующие войска: с Северного фронта — 67-й Тарутинский, 68-й Бородинский, 15-й уланский Татарский, 3-й Уральский казачий полк; с Западного фронта — 34-й Севский, 36-й Орловский, 2-й лейб-гусарский Павлоградский; с Юго-Западного фронта — 2-й Донской казачий полк, лейб-гвардии Преображенский полк, 3-й лейб-гвардии Преображенский его величества полк, 4-й стрелковый императорской фамилии полк, лейб-гвардии уланский его величества полк.

Отправка войск Северного и Западного фронтов началась 28 февраля и 1 марта, Юго-Западного — 2 и 3 марта. Уже 1 марта Тарутинский полк высадился на станции Александровской (в нескольких километрах от Царского Села), а генерал Иванов находился в Царском Селе с Георгиевским батальоном. Началось активное выдвижение других определенных волей императора и приказом Алексеева частей.

Какое же это бездействие или, тем более, измена?

Рассуждения о заговоре, предательстве и измене Алексеева и других генералов с учетом этих действий не только не выдерживают проверки фактами. Они оскорбительны для памяти этого выдающегося российского военачальника. Алексеев был убежденным сторонником монархии. Даже перед смертью летом 1918 г., когда страна уже была ввергнута в еще неизвестную ей будущую эпоху, он писал одному из сподвижников: «Россия должна подойти к восстановлению монархии... никакая другая форма не может обеспечить целость, единство, величие государства — объединить в одно целое разные народы, населяющие его территории». Это было уже тогда, когда его главные сподвижники рассуждали совсем по-другому. Генерал Корнилов уже в августе 1917 г. в беседе с генералом

¹ Там же. Л. 5.

² Там же.

Деникиным сформулировал свою цель: «Довести Россию в республиканском строе до Учредительного собрания». Цель эта, говорил Деникин, «совпадает с моими взглядами» [Ганин 2017: 16].

«На колени встану...»

До 1917 г. Россия находилась в стане держав-победителей. Но она выпала из колесницы, на которой ехали триумфаторы. Где же, спрашивается, находится эта, как ныне модно говорить, точка бифуркации, следом за которой последовала катастрофа?

Время, когда был запущен этот процесс, просвещенные россияне сегодня неплохо знают. Это февраль–март 1917 г. Именно тогда возникает множественный разлом политической и государственной системы. Разнобой в ветвях реальной власти, который до этого существовал в виде тенденций, превратился в жесткие векторы разрушения. Одну линию гнула Дума, ведущие деятели которой были полны личных амбиций, другую — придворный кордебалет. Третий вектор представлял военные круги, требовавшие ужесточения внутренней политики, собирания сил в единый кулак для грядущей победы. Но последнее царское правительство было, по словам полковника Сергеевского, неспособно «даже на простое исполнение своего долга... налицо было полное ничтожество носителей власти» и потому в февральские дни бесславно закончило свою деятельность самороспуском.

Внутриполитические деформации начала 1917 г. роковым образом сказались на русской армии, готовившейся к весеннему наступлению. Она стремительно теряла боеспособность и разлагалась. «Армии роется могила», — кратко и скорбно оценил ситуацию Алексеев, вернувшись 19 февраля 1917 г. после лечения на должность начальника штаба.

В самом конце зимы негативные события, о которых мы писали выше, стали нарастать как снежный ком.

В эти дни генерал Алексеев находился едва ли не ближе всех к императору, виделся с ним ежедневно по несколько раз и потому, скорее всего, лучше других понимал, что Верховный главнокомандующий, помимо военных забот, переживает еще сильнейший душевный кризис, связанный с семьей.

Поэтому извещенный о намерении императора покинуть Ставку и направиться в Царское Село Алексеев, лежавший с высокой температурой, в первом часу ночи 28 февраля с трудом встал, оделся и отправился в царскую резиденцию. Уходя, сказал одному из генералов: «На колени встану, буду умолять не уезжать — это погубит Россию».

Вернувшись, Алексеев сообщил генералу Лукомскому: «Кажется, уговорил» [Алексеева-Борель 2000: 475]. Прилег, мучимый тяжелой болезнью почек, заработанной во время Русско-японской войны и уже не раз подводившей его к смертельной черте. Но отдых длился совсем недолго. Сразу после ухода Алексеева император, поразмыслив, все-таки решил отправиться в Царское. Садясь в автомобиль, он велел передать Алексею: «Я все-таки уехал».

Извещенный об этом Алексеев приказал срочно подать автомобиль и устремился на станцию. Отдав рапорт о положении дел, он выслушал слова царя о намерении ехать.

Литерный поезд № 1 двинулся в путь.

40 часов, почти двое суток (! — *А.Д.*) о путешествии главы государства ничего не было известно. Страна и армия были лишены высшего руководства в разгар войны и стремительно нарастающего гигантского внутреннего потрясения.

Генерал Алексеев не зря настаивал на присутствии императора в Ставке. При этом условии в стране сохранялся руководящий центр, опирающийся на власть

монарха и силу армии. Именно поэтому он 28 февраля умолял Николая не уезжать. Именно поэтому 1 марта посылает телеграмму на станцию Дно с просьбой доложить его величеству о желательности его немедленного возвращения в Ставку.

По-видимому, этот отъезд и был роковой точкой, после которой все покати-лось к обрыву.

Что же толкнуло Николая II на этот шаг?

В современной физике существует такое понятие — «квантовая пена». Она считается основой структуры мироздания. Ее нельзя непосредственно наблюдать или измерить — настолько она мала. Скажу для сравнения, что по приближительным расчетам ее размер соотносится с набившим всем оскомину нанометром, как этот самый нанометр — с диаметром Солнца.

Но есть во Вселенной более тонкая сущность. Это душевная организация человека. В данном случае речь о душе Николая Александровича Романова. Когда он, нежно любивший семью, узнал, что почти все его дочери болеют тяжелой корью (а ведь и сын был неизлечимо болен!), то, прислушавшись к вешеносной супруге, покинул Ставку и отправился в Царское Село. Этому предшествовали многочасовые телеграфные переговоры между царственными супругами. Государыня настаивала на приезде мужа в Царское Село. Позднее полковник Б.Н. Сергеевский писал: «Теперь я понимаю, что за эти три часа (вечером 27 февраля. — А.Д.) фактически решалась судьба Империи».

Весь день 1 марта прошел в томительном невыносимом ожидании — известий об императоре не было. Только около 6 часов вечера пришла, наконец, телеграмма о том, что Николай II находится на станции Дно и желал бы проследовать в Псков, но пути разобраны. Алексеев немедленно приказал Рузскому направить для ремонта железнодорожную роту, и уже в 10 вечера император прибыл в Псков.

События этих нескольких даже не дней, а часов имели для России колоссальное значение. Современная математическая теория утверждает, что в сложных системах — а Россия к таковым, несомненно, относится — нет второстепенных факторов. То что еще вчера казалось вещью маломасштабной и преходящей (болезнь детей), вдруг выходит на первый план и начинает определять течение больших, подчас великих событий и потрясений.

С появлением сведений о государе у Алексеева отлегло от сердца, хотя болезнь продолжала мучить. Алексеев, как мы уже говорили, тут же посылает на станцию телеграмму с просьбой доложить его величеству о желательности немедленного возвращения в Ставку ввиду наступивших уже угрожающих событий.

Телеграмма осталась без ответа.

Алексеев направляет еще одну: «Если Ваше Величество считает невозможным идти путем уступок Думе, то необходимо установление военной диктатуры и подавление силой революционного движения».

Но к этому времени душевная драма, переживаемая императором, помноженная на двухсуточное блуждание в поисках пути к конечной цели — своей дорогой семье, подточили его поначалу твердое убеждение, которое было у него в Ставке, — действовать жестко и без уступок. К тому же подталкивало получение известий от императрицы, в которых она, напуганная размахом мятежа, писала, что «уступки необходимы». Видимо, ее склонило к этому поведение посетившего 1 марта Царское Село генерала Иванова, назначенного диктатором тыла. Он полагал, что всякое вооруженное выступление верных государю войск грозило гибелью царской семье.

Под влиянием этих известий император приказывает только 2 дня назад назначенному «диктатору» ничего не предпринимать до своего приезда в

Царское Село, а еще через несколько часов, ранним утром 2 марта, Николай лично приказал остановить движение эшелонов с войсками на Петроград и повернуть их назад.

В эти же часы командующий Северным фронтом генерал Рузский, активно ввязавшийся в происходящие политические события, наконец, сумел связаться с председателем Думы Родзянко и передал ему для обнародования долгожданный Манифест о даровании ответственного (перед Думой) министерства, на создании которого уже давно настаивали думцы, а император не желал ничего подобного.

Полученный вскоре ответ Родзянко обескуражил всех. Обрисовав обстановку самыми мрачными красками, глава Думы заявил, что предлагаемое решение запоздало и явно недостаточно. Династический вопрос поставлен ребром. Все попытки Рузского возражать и сгладить противоречия только еще больше распалили думского лидера: «...ненависть к Династии дошла до крайних пределов... грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становится определенным требованием».

Родзянко, сильно надышавшийся революционными петроградскими парами, нагнетал обстановку, не слушая возражений: «Повторяю Вам, что сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук, анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно... время упущено и возврата нет». Все эти и другие сведения приводит на основании подлинных телеграфных лент один из самых основательных исследователей этой коллизии С.П. Мельгунов [Мельгунов 1961]. Поведение Родзянко, изображавшего из себя потенциальную жертву мятежников, на самом деле было весьма рациональным. Он не только объявил Рузскому о намерении создать в ближайшие часы Временное правительство, но и фактически продиктовал, что должен делать государь: «...не забудьте, переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу». Самоуверенное «я этого не допущу» по сути своей есть свидетельство полного непонимания обстановки и легкомысленное объявление себя повелителем революционной стихии. Знал бы, какую страницу российской истории он переворачивает, ослепленный кажущимся минутным всевластием и самонадеянностью!

Переговоры Рузского с Родзянко, зафиксированные военным телеграфом, длились в течение всей ночи. Их главным печальным итогом стало то, что Рузский поверил Родзянко и согласился с неотвратимой необходимостью отречения.

Той же ночью Рузский неоднократно будил лежавшего с высокой температурой Алексева, сообщал о своих разговорах с Родзянко и просил начальника штаба, ссылаясь, по некоторым свидетельствам, на пожелание монарха, запросить мнение командующих фронтами об обстановке и предполагаемом отречении.

Нужно особо подчеркнуть, что руководящее ядро государства в эти драматические часы было раздроблено на несколько частей, т.е. фактически отсутствовало. Полной информации о происходящем в стране не было ни у императора, блуждавшего по ее просторам, ни у Временного комитета, обломка распущенной Думы, не знавшего о положении на фронтах и передвижении войск, ни у Ставки, плохо и искаженно информированной о внутривнутриполитических процессах. Единого центра управления не было, это непреложный факт.

Главный навет

Был ли Алексеев «заговорщиком», инициатором запросов к командующим фронтами? Те, кто утверждает, что это его инициатива, склонны в своих рассуждениях обвинять его в заговоре с целью свержения монарха. Эта версия, возникшая в послереволюционные годы, до сих пор держит в плену многих.

На наш взгляд, это не так, чему решающим авторитетным свидетельством является запись от 2 марта из дневника самого Николая II. «Утром пришел Рузский и прочел длинейший разговор по аппарату с Родзянко — по его словам, положение в Петрограде таково, что Министерство из членов Государственной думы — будет бессильно что-либо сделать, ибо с ними борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно Мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку Алексееву и всем Главнокомандующим. В 12.30 пришли ответы. Для спасения России и удержания армии на фронте Я решился на этот шаг. Я согласился, и из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал написанный Мной манифест. В 1 час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством. Кругом измена, трусость и обман».

Треугольник, в котором принималось принципиальное решение, вырисовывается довольно четко: Родзянко — Рузский — Николай II.

Запрашивая в связи с поручением мнение командующих фронтами, Алексеев, понимая, что находится в условиях информационного дефицита, и потому сознательно отстраняясь от влияния на этот процесс, просил их «телеграфировать свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главнокомандующего Северным фронтом, известив меня».

Ответные телеграммы были представлены генералом Рузским императору 2 марта. После доклада Рузского, как свидетельствовал присутствовавший на докладе генерал Данилов, «наступило молчание. Государь поднялся и уставил свой взор в завешенное окно, очевидно не сознавая, что он делает. Его в обыкновенное время неподвижное лицо приняло искаженное выражение, которое мною еще ни разу не наблюдалось. Было заметно, что в душе его происходит ужасная борьба. Наступившая тишина ничем не прерывалась... Вдруг Император Николай Александрович резко повернулся к нам и твердым голосом заявил:

Я решил... Я решил отречься от Престола в пользу Моего сына Алексея. Благодарю вас за примерную службу. Я надеюсь, что будете служить так же верно и Моему сыну.

Практически сразу Император собственноручно написал две телеграммы. Первая была адресована Алексееву:

«Наштаверху Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу служить ему верно и нелицемерно (наконец-то прорезалась хоть одна формула из растерзанного павловского закона о престолонаследии. — А.Д.). Николай».

Второе послание с копией для Ставки было отправлено Родзянко:

«Нет той жертвы, которой бы я не принес во имя действительного блага и спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия при регентстве брата Моего Великого князя Михаила Александровича. Николай».

По получении телеграммы Алексеев призвал начальника дипломатической канцелярии Ставки и поручил ему составить проект манифеста об отречении. Скоро текст был составлен и отправлен в Псков.

Видимо, именно в эти часы, узнав от Иванова об отводе войск и получив повеление императора, Алексеев утратил надежду на военный успех в пода-

влении мятежа. Решение об отречении заставляло думать уже не о сохранении царствующего монарха, а о сохранении монархии как таковой. Свои действия в этой круто меняющейся обстановке Алексеев подчиняет одной задаче — обеспечить воцарение законного наследника цесаревича Алексея.

В 3 часа Псков сообщил, что Николай оставил присланный текст у себя и окончательное решение будет принято после беседы с двумя лицами, выехавшими к нему из Петрограда. Имелись в виду Гучков и Шульгин, которые добрались до Пскова лишь после 10 вечера.

За эти 7 часов ожидания в первоначальном решении Николая произошла коренная перемена. Ее тоже можно назвать роковой. После разговора с доктором Федоровым, высказавшим мнение о неизлечимости больного гемофилией наследника, император решил изменить манифест и отречься в пользу брата Михаила Александровича. Этот документ и был направлен в ставку и вручен Гучкову с Шульгиным.

Концовка телеграммы, присланной в эти часы в Ставку, гласила: «...подписать указ Правительствующему Сенату: Первый — о бытии Председателем совета Министров князю Львову, Второй — о бытии Верховным Главнокомандующим Великому князю Николаю Николаевичу. После сего Его Императорскому Величеству богоугодно было подписать Акт отречения от Престола за Себя и за Сына и о передаче Престола Великому Князю Михаилу Александровичу».

В Ставке это вызвало шок.

«Среди шума голосов, вырвавшихся у окружавших меня лиц, — вспомнил Сергеевский, — я отчетливо слышал крики полного изумления генерала Лукомского: “Михаилу?” — и великого князя Сергея Михайловича: “Как Михаилу? Вот так штука!”»¹.

Обстоятельства и дальше менялись с калейдоскопической быстротой. Ночью 3 марта Алексееву позвонил Родзянко с просьбой задержать передачу в армию манифеста об отречении, поскольку не выяснено отношение Михаила Александровича к вопросу его вступления на престол. Алексееву пришлось направить такие телеграммы, поскольку волею Николая высшей властью перед отречением он наделил Правительствующий сенат и Временное правительство во главе с князем Львовым.

После разговоров той же ночью с генералом Рузским Алексеев, видимо, понял, что пауза нужна Родзянко и его сподвижникам для того, чтобы развить интригу и получить манифест об отречении Михаила.

Поэтому он счел необходимым утром 3 марта направить главам всех фронтов телеграмму, в которой высказал свое мнение о действиях политика: «Родзянко неискренен и неоткровенен и находится под мощным давлением левых элементов и Совета рабочих и солдатских депутатов. Родзянко имеет в виду поставить представителей армии перед совершившимся фактом». В эти же часы, обращаясь по телеграфу ко всем главнокомандующим фронтами, Алексеев с редкой для деятелей того исторического момента точностью обозначает вектор движения судьбоносных для России событий: «положение создает грозную опасность более всего для Действующей Армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста — могут повлечь за собой шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов»

¹ Там же. Л. 23.

[Цветков 2014: 61]. Как видим, уже в самом начале марта им была предсказана историческая картина конца 1917 – начала 1918 г.

А события уже ушли за красную черту. Днем 3 марта Сенат узаконил два манифеста: один подписанный императором Николаем, второй – его братом Михаилом. С полудня 3 марта законной властью в России стало Временное правительство.

Телесные муки Алексеева дополнились в эти часы и дни душевными терзаниями. По свидетельству его дочери В. Алексеевой-Борель, она никогда, даже в дни позднейшего трагического крушения России, «не видела отца таким мрачным, подавленным, угнетенным». Его преданность монархии и династии проходила через острые трагические испытания. Пытаясь сохранить армию и еще на что-то надеясь, он в тот же день издает приказ № 1925 «Об уничтожении революционных шаек», призванный остановить разложение армии, планирует провести совещание командующих фронтами «для установления единства во всех случаях и во всякой обстановке», резко возражает военному министру Гучкову, предлагавшему меры разрушительного для армии характера...

Но время ушло, история совершила непредсказуемый и необратимый поворот.

«Мое последнее дело на земле»

Что делал в эти драматические месяцы конца 1917 – начала 1918 г. генерал Алексеев?

После сентябрьской (1917) отставки с поста начальника штаба при Главковерхе Керенском генерал уже никогда не возвращался на военные должности в российской армии. Конец его жизни был заполнен для него сплочением неформальных военных сил, созданием Алексеевской организации. По сути своей это была отчаянная попытка спасти сгоравшую в бойне войны и революции Россию.

Затем, уже после Октября, было создание Добровольческой армии, борьба на Юге, руководство Директорией. Он говорил об этой работе – «мое последнее дело на земле». Тяжелая болезнь оборвала его жизнь 8 октября 1918 г.

Генерал Михаил Васильевич Алексеев был тогда же похоронен со всеми воинскими почестями в Екатеринодаре. Позднее, спасая его прах от поругания, семья перевезла останки полководца в Белград. Так он посмертно стал эмигрантом. На Русском кладбище столицы Сербии вы найдете, если сможете, могилу, на которой начертано только имя – Михаил.

Великая российская драма начала XX в. заставляет еще и еще раз трезво осмыслить случившееся. Как писал выдающийся русский поэт второй половины XX в. Юрий Кузнецов, «земля возвращает истлевшие кости, а память – надежду». Очень важно, конечно, чтобы память стояла на исторической правде.

Список литературы

Алексеева-Борель В.М. 2000. *Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев*. СПб: Бельведер. 512 с.

Ганин А. 2017. Допрос генерала Деникина. – *Родина*. № 8. Август.

Мельгунов С.П. 1961. *Мартовские дни 1917 года*. Париж. 453 с.

Никонов В.А. 2017. *Крушение России*. М.: АСТ. 702 с.

Солженицын А.И. 2017. Размышления над Февральской революцией. – *Родина*. Спец. вып. № 7190. 3 февр. 25 с.

Цветков В.Ж. 2014. *Генерал Алексеев*. М.: Вече. 564 с.

DEGTYAREV Aleksandr Yakimovich, *Dr.Sci. (Hist.)*, Advisor to the Chairwoman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (26 Bol'shaya Dmitrovka St, Moscow, Russia, 103426; bronk@mail.ru)

GENERAL MIKHAIL ALEKSEEV AND THE ABDICATION OF EMPEROR NICHOLAS II

Abstract. The article deals with the legal basis and motives of several Russian historical figures' action in February and March 1917. The author opposes the theory, which was spread first among Russian emigrants and then in the Russian historiography, suggesting that Emperor Nicholas II had been betrayed by top military officers.

Keywords: General Mikhail Alekseev, Nicholas II, February 1917, abdication of emperor

УСТИНКИН Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); директор Приволжского филиала ФНИСЦ РАН (603000, пер. Холодный, 4; sv.ustinkin@gmail.com)

В.В. ШУЛЬГИН О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются взгляды Василия Витальевича Шульгина по вопросу о сущности и содержании Белого движения в России. В современной историографии нет единого понимания этого феномена русской контрреволюции. В.В. Шульгин же разработал оригинальную концепцию Белого дела: вскрыл причины начала белой борьбы; отразил постепенную идейно-политическую и духовно-нравственную эволюцию Белого движения; проанализировал причины его поражения. Изучение взглядов В.В. Шульгина как непосредственного участника российской революции и контрреволюции дает возможность лучше понять сущность происшедших событий и извлечь из них политические уроки для современности.

Ключевые слова: революция 1917 года, Гражданская война 1917–1922, российская контрреволюция, белые и красные, Белое дело, русская эмиграция

В современной историографии нет единства взглядов по вопросу о сущности Белого движения, а также о роли Василия Витальевича Шульгина в его организации, разработке политики и идеологии [Устинкин 1995: 3–10; Устинкин, Ильин 1994; Милюков 1994; Тормозов 1998; Драма российской... 2002: 8–27, 337–344; Голдин 2000: 14–24]. Затрудняют дело разные оценки идейно-политических и духовно-нравственных убеждений самого Шульгина [Бабков 2008б].

Многие исследователи считают, что Шульгин разделяет именно их политические взгляды. Так, например, Е. Соколов утверждает, что не знает ни одного устного или письменного заявления В.В. Шульгина, в котором он бы приветствовал советскую власть [Соколов 1981: 3]. В. Бушин вспоминает, что в год 50-летия Великой Октябрьской революции Василии Витальевич заявлял: «Мы, русские монархисты, хотели видеть Россию могучей и процветающей. Большевики сделали ее такой. И это меня с ними мирит» [Бушин 2008: 4]. В.Н. Осипов, беседовавший с В.В. Шульгиным летом 1970 г., вспоминал, что его «поразило отсутствие какого-то ни было раскаяния» и за бунт в рядах анти-